

ДАНЬ ПУШКИНСКОЙ МУЗЕ

МИХАЙЛОВСКОЕ. 6 июня 1982 года.

Фото В. КРОХИНА

ПОСКОЛЬКУ венгерская проза усиленно ищет новые формы, стили и новый материал для своих произведений, это уже обязывает нас остановиться на «Загадке Прометея» Лайоша Мештерхази.

Почему Прометей, его жизнь и деяния почти не привлекали внимания всей последующей литературы, тогда как другие персонажи истории и мифологии, гораздо менее значительные, обрели куда как широкую известность, прожив на страницах книг и вторую, и третью, и, может быть, десятую жизни?

Этот вопрос, на первый взгляд даже легкомысленный, на самом деле — лукавый и умный, требует глубокого знания и понимания всей мировой литературы, чуть ли не со времени ее возникновения, его и решает Лайош Мештерхази в своем романе.

Однако роман ли это? Как странно и как неожиданно мифология переплетается здесь не только с историей, но даже и с публицистикой сегодняшнего дня, со злободневностью, с политикой, с укладами современной жизни, с нынешними речами, статьями, заявлениями, опровержениями!

Этому переплетению и смешению философий и времен соответствуют интонация произведения, его стиль, о котором тоже никак нельзя сказать, что в нем больше — ирония, фантазия, философия, памфлет? Что в нем больше — ассоциаций и обобщений поистине мирового масштаба или подробностей и деталей, на первый взгляд совершенно случайных?

Здесь есть все. Если вообще в какой-то прозе есть все, так это не иначе, как в произведении Мештерхази.

Мифологические сюжеты и образы использовались и разрабатывались на протяжении всей истории литературы, отнюдь не представляя исключения и литература современная, но чтобы это было сделано так же иронично, так же тонко, так же переплеталось со злобой нынешнего дня — я что-то не припомню!

Здесь даже нельзя сказать, нельзя призвать: «Учитесь у Мештерхази!» — потому что научиться этому нельзя, из этой книги не выносишь никакого опыта, потому что понимаешь: для того, чтобы сделать нечто более или менее подобное, нужно прожить примерно такую же жизнь, какую прожил автор; приобрести такие же знания, которые приобрел он; нужно обладать таким же пониманием и ощущением всех возможных, а я бы даже сказал, что и невозможных, литературных стилей и направлений.

При всей легкости и насмешливости письма это очень серьезное чтение, и я никак не одолевал больше 50—60 страниц за прием, но и сейчас не могу утверждать, что запомнил все, разобрался во всем, что роман выстроился для меня в какой-то последовательности и в сюжете. Нет, здесь другое: еще и еще открылись для меня возможности слова и мысли не только художественных, но слова и мысли вообще в их подлинном и достойном проявлении.

В эти возможности, уверяет меня Мештерхази, можно и должно верить, а это убеждение, эта вера и есть не что иное, как гуманизм, столь необходимый в нашем современном мире.

НО, МОЖЕТ БЫТЬ, самым интересным и самым поучительным жанровым явлением оказалась для меня так называемая «социогрфическая проза», основоположниками которой явились, по моим представлениям, Дюла Йеш и все тот же Йозеф Дарваш и которая чем дальше, тем приобретает все большее значение в венгерской литературе. В нашем понимании социогрфия — скорее всего очерк, но здесь это не он, потому что очерк ставит перед собой за-

дачу и цель, как правило, вполне определенную, а в большинстве случаев и ограниченную: очеркист стремится создать чей-то портрет, описать какое-то событие, поставить ту или иную проблему. Венгерское же социогрфическое произведение ставит все эти и еще многие другие задачи сразу, оставаясь при этом не статьей и не исследованием, а произведением художественным.

Представим себе, скажем, Глеба Успенского, но такого, который создает не только социальную зарисовку «Четверть лошади», а рисует картину жизни сразу всего села, а то и целого сословия, и тогда мы получим некоторое представление о том, что такое венгерская социогрфия.

Наверное, еще ближе окажутся к этому жанру «Петербургские шарманщики» Григоровича или «Подлиповцы» Решетникова. Наверное, я не

нием в каждую деталь, в каждое мало-мальски заметное событие дня, и все это — в форме высокохудожественной. Здесь нет сюжета в обычном понимании, но есть нечто другое — сюжет узнавания и постижения жизни одного из самых многочисленных сословий Венгрии того времени, о котором идет речь, здесь прослеживается формирование не только привычек, но и характеров, и отношений между людьми, и, конечно же, здесь есть стиль, манера письма, художественные образы и судьбы отдельных людей.

Я НЕ ДУМАЮ, что этот жанр зародился в Венгрии спонтанно, вдруг, только потому, что явился ответствующий писатель, а потому жанр подхватили и разрабатывали другие писатели. Тут, мне кажется, дело в другом — в том внимании, с которым и в прошлом, и в настоящем лите-

ОРЕНБУРГ. На оренбургскую землю в пятый раз пришел Всесоюзный Пушкинский праздник. Впечатление поэта от поездки по этим местам воплотилось в его «Истории Пугачева» и в повести «Капитанская дочка». Теперь село Берды, где А. С. Пушкин собирал материал о пугачевском восстании, можно назвать заповедным пушкинским местом. Тут открыт памятник поэту, а в школе № 14 создан Пушкинский музей. Оренбургские посетили писательская бригада во главе с В. Сорокиным.

ГУРЗУФ. Большие торжества состоялись 30 мая в Гурзуфе возле дома, где опальный поэт гостил в 1820 году у Раевских. Тут открыт памятник традиции этот праздник, в котором вместе с поэтами Крыма участвовали гости из Москвы, с Кавказа, из Одессы, вел М. Дудин.

БАМ. 31 мая праздник Пушкинской музы начался на Байкало-Амурской магистрали. Его маршруты — Усть-Кут, Тунда, новые и строящиеся поселки на трассе БАМ. Поэты строики участвуют в празднике вместе с гостями — писательской бригадой, возглавляемой М. Сергеевым.

БОЛДИНО. Хлебом-солью, старинными и современными величальными песнями встретило Болдино гостей — делегацию писателей во главе с В. Карпенко. Стихи звучали в день рождения поэта на торжественном вечере, в заповедном болдинском парке, у памятника А. С. Пушкину, а затем праздник продолжился в роде «Лучинский».

БЕРНОВО. «Бергом милым» называл А. С. Пушкин старинные места. Берново: Тарасово, Берново, Берново. Здесь побывала группа писателей, возглавляемая В. Захарченко. По адресам Пушкинских лириков прошли и календарные художники. Выставка их произведений, открывшаяся в городе на Волге, приурочена к 183-й годовщине со дня рождения поэта. На живописных холстах и графических листах запечатлены места, которым Пушкин посвятил свои вдохновенные строки.

ЗАХАРОВО. Поэтический праздник прошел в Захарове, где в имении бабушки, М. Ганнибал, Пушкин бывал в течение нескольких лет вплоть до поступления в Лицей. Здесь вновь звучали народные песни, пропывали девичьи хоры. Писатели во главе с Дж. Паттерсоном читали стихи...

ЯРОПОЛЕЦ. Это место под Волоколамском свято дважды. В усадьбе Гончаровых часто бывал великий поэт, и здесь же в 1941 году советские войска не пустили врага в Москву. На Пушкинский праздник в Яропонец приехала представительная группа московских литераторов, которую возглавил Л. Ошанин.

МОЛДАВИЯ. Места, связанные с пребыванием А. С. Пушкина в Бендерах, включены в новый маршрут «Твоей молвой наполнен сей придел». Ссылного поэта особенно интересовали Бендерская крепость и развалины молдавского короля Карла XII. Здесь родился замысел «Полтавы». На одной из красивейших магистралей придорожного города, у памятни-

ка, запечатленного поэта в минуты раздумья, так же, как и в Тирасполе, и в селе Пушкино, и в Кишиневе звучали стихи, которые читали литераторы Молдавии и писатели из Москвы во главе с М. Алигер.

УЗБЕКИСТАН. Большие праздники поэзии у памятника А. С. Пушкину в Ташкенте открылись традиционными Пушкинскими чтениями. В них приняли участие С. Азимов, Т. Тула, А. Мухтар, Мирмухсин, Г. Джурзавал. Здесь состоялась научная сессия, посвященная значению пушкинского творческого наследия в развитии узбекской литературы, организованная СП Узбекистана совместно с Институтом языка и литературы АН Узбекской ССР имени А. С. Пушкина. Писательские группы совершили поездку в Ташкентскую и Джизакскую области, где встретились с колхозниками и рабочими совхозов. Завершились торжества большим литературным вечером в зале Бахор, который вел народный поэтесса Узбекистана Зунафия.

ЛЕНИНГРАД. В дни Пушкинских праздников поэзия в центре ленинского сада в городе, носившем имя поэта, звучат стихи Пушкина. В минувшее воскресенье честь прочитать свои поэтические строки о гениальном поэте была предоставлена Вс. Азарову, Вяч. Кузнецову, Л. Куклину, Ю. Шесталову. Праздник поэзии и музыки продолжился в Екатерининском парке. Здесь говорилось о том, как в год 60-летия образования СССР Пушкин близок и дорог всем народам нашей страны. Выступления писателей состоялись также в Павловске. А накануне в здании Лицея прошел литературный вечер, в котором приняли участие А. Кушнер, О. Тарутин, Н. Слепакова.

МОСКВА. Ровно в полдень 6 июня, в день рождения великого поэта, как бы все замедляет на площади, несущей его имя. Как всегда в это время, идут и идут к памятнику А. С. Пушкина москвичи, гости столицы, чтобы выразить свою безграничную любовь гению мировой поэзии.

Сразу на три выставки пригласил посетителей Государственный музей А. С. Пушкина. На одной из них представлены материалы для мемориальной «Квартиры Пушкина на Арбате». Вторая экспозиция — «Пушкин в советском изобразительном искусстве» — включила дары коллекционеров, пополнявшие музейные собрания в последние годы. Третья отдана самым маленьким любителям творчества великого поэта. Она так и называется — «Пушкин глазами детей».

В дни Пушкинских недель поэтические строки звучали в цехах девяти московских заводов, с которыми тесно связаны литераторы столицы. Вечера в честь Пушкина состоялись в ЦДЛ имени А. А. Фадеева, в ЦДРИ, в Центральном Доме художника. Обширная программа Пушкинского праздника с участием известных поэтов и артистов ждала москвичей в ЦПКЮ имени М. Горького.

Торжества завершились в Колонном зале Дома союзов, где собрались все участники Пушкинских маршрутов. Здесь под председательством Е. Исаева и С. Смирнова прошел большой литературный вечер, в котором со словом о Пушкине выступили писатели братских союзных республик, зарубежные гости.

Сергей ЗАЛЫГИН

ошибусь, если скажу, что социогрфическая проза находится под воздействием такого писателя, как Петер Вереш. Удивительно он писал, писал мельчайшие подробности крестьянского быта, характеров и взаимоотношений, а картина в целом им создавалась огромная.

Товарищ Янош Кадар в статье «Воспоминания о Петере Вереше» писал: «Он всегда помнил, что история и общество формируются трудовым народом...», «Поэтому он умел говорить с людьми, он учил их тому, чему сам учился у них».

Формально Вереша в ряде его произведений можно, наверное, назвать документалистом, формально, но не по существу.

Документальная проза не привлекает нашего внимания к стилю, она может быть и такой, и другой: с короткой и длинной фразой, с ритмом или без него, с интонацией или без нее, там все это не так важно, там все дело в проблеме, в факте.

Проза же Вереша глубоко индивидуальна, она не может быть ни той, ни другой, а единственно такой, какая она есть, с ее неповторимой интонацией и простотой, а в этом единстве стиля с удивительным, ничему другому, кроме искусства, недоступной наблюдательностью и заключается художественность Петера Вереша, которую он и вручил социогрфической прозе. Вот она и возникла, и развивается не столько из социологии и документальности, сколько из письма художественного, а бы сказал — классически-художественного. Так я представляю себе это дело.

В 1934 году Дюла Йеш написал свою и поныне знаменитую книгу «Люди пусты». Пуста — это поселок батраков при крупном помещиком, чаще всего графском хозяйстве, которым либо управляет сам владелец, имея для этого соответствующих служащих, либо на определенный срок сдает свое владение в аренду тому или иному сельскохозяйственному предпринимателю.

И вот писатель ведет нас из одного барака пусты в другой, ведет в поле и на скотные дворы, иногда заглядываем мы и в барский дом, но очень редко, ведет днем, ведет ночью, в праздники и в будни, зимой и летом, осенью и весной, ведет к старикам и детям, к тем, кто родился в пусты, у кого и предки тоже родились и умерли здесь, и к временным работникам, нанятым на один сезон, рассказывает и показывает нам все, как есть, все как было с пониманием дела, больше того — проникнове-

ратура относилась к развитию нации, к ее социальному устрою, к формированию ее психологии.

Лет десять тому назад мне довелось побывать в Альфельде, в степях на востоке страны, где из поколения в поколение жизнью суровой, в буквальном смысле на семи ветрах, часто даже без крова над головой, жили пастухи, они пасли скот самой древней в Европе породы.

Вот этой-то жизни, ее истории и быта посвящен в одном из степных поселков специальный музей огромных размеров, где представлены и жилища пастухов, и одежда, и предметы их быта, и макеты скота, который они пасли, а самое главное, представлены десятки книг по этому же предмету.

Тут и статистика, и зарисовки с натуры, и чертежи, и фотографии, и, что меня особенно поразило, капитальные труды, многие из которых, помнится, были изданы по крайней мере лет 80 и даже 100 тому назад. Значит, уже тогда венгерские ученые проявляли удивительное внимание к жизни самых, казалось бы, отсталых крестьян-пастухов.

Поэтому позже, когда я позанимался с венгерской социогрфической прозой, она меня не удивила: я видел ее истоки, этнографию и социологию, экологию и природоведение, из которых позже она и возникла.

«Люди пусты» — вещь автобиографическая, но ее автобиографичность прослеживается едва-едва, главное же здесь — это лицо, психология и судьбы всего населения пусты, которое даже, нельзя назвать коллективом, потому что тем самым мы волюно или неволюно сузили бы действительные границы произведения, здесь речь идет именно о населении, обо всех тех, кто имеет к пусты то или иное отношение.

Дюла Йеш, помимо «Людей пусты», написал еще «Обед в замке» и под этим не то насмешливым, не то торжественным заглавием дал картину быта бывшего владельца пусты уже после того, как в Венгрии началось строительство социализма.

Это очень любопытно: бывший батрачок, подпасок, которого граф, конечно, и знать не знал среди «своих» людей, ныне широко известный писатель, приглашен отобедать в замок, в котором за графом сохранилась чуть ли не одна-единственная комната.

Можно прочесть десятки книг, посвященных этому же периоду новейшей истории, и не почувствовать тех перемен,

которые в небольшом по объему произведении так убедительно, так отчетливо, а я бы сказал, еще и так благородно рисует Дюла Йеш.

Читая Йеша, я думал: художественная литература давным-давно научилась писать человека, его характер и психологию. Нет, а теперь уже очевидно, что и не может быть человеческого характера, неподвластного современному писателю, и дело, пожалуй, обстоит наоборот: писатель может запросто создать такой образ, такой характер, который в жизни не скоро и найдешь, может быть, не найдешь никогда, но все равно мы верим этому писателю, а не жизни.

Итак, человек покорен и превзойден литературой, а человечество? Вот в чем вопрос — мы до сих пор не можем себе представить, что такое человечество, хотя оно ведь настолько же реально, насколько реален и отдельно взятый человек. Конечно, мы полагаем, и не без оснований, что познание человека дает нам ключ к пониманию человечества, это так, но это, мне кажется, далеко не все, и литературе еще предстоит решать и другую задачу общей задачи. Какими путями? Что-то сделано здесь Габриэлем Гарсиа Маркесом, но есть и другие пути, и сдается мне, что венгерская социогрфия — один из них.

Этот жанр дает картину жизни не столько частной, сколько общей и общественной, в нем нет главных и второстепенных персонажей, но зато опять-таки является лицо общественное, лицо людей, занятых в одной какой-то сфере производства, связанных одной общей историей и общими побуждениями. Конечно, до создания картины человечества в целом здесь еще очень и очень далеко, но шаг-то в этом направлении все-таки сделан, и сделан успешно, интересно и привлекательно! В Венгрии социогрфическая проза пользуется огромным вниманием читателя, не осталась не замеченной она и у нас, о ней писали наши критики и специалисты по венгерской литературе.

НАКОНЕЦ, мне хочется еще раз вернуться к рассказу, поскольку выше я говорил о нем только в связи с Жигмондом Морицем.

Он очень разный, венгерский рассказ, разный прежде всего опять-таки по материалу, он стремится охватить все и всяческие стороны жизни, ее события и отношения меж-

ду людьми, но есть, мне кажется, здесь и нечто общее. Чаще всего венгерские рассказы строго сюжетны, и психологичность их заключается опять-таки в сюжете, непосредственно в поступках людей, то же, что мы называем психоанализом как таковым, здесь часто отсутствует.

Иногда это даже не столько рассказ в нашем понимании, сколько хроника, перечень следующих друг за другом событий жизни какого-то человека. Характерным в этом отношении является рассказ Анны Йокаи «Что с вами, дорогая Кош?», в котором речь идет о том, как женщина, отравив своего больного мужа, в конце концов принимает яд сама; или блестящий рассказ Дьёрдя Молдоя «Мандарин, знаменитый хулиган» и многие другие. Эту же манеру, это же строго объективное и весьма суровое отношение автора к своему герою можно уловить и в произведениях, которые на наш, на русский взгляд представляют собой что-то среднее между рассказом и повестью, например, в «Смерти врача» Дюлы Фекете, вещи, напоминающей Чехова, только без чеховского лиризма, без его мягкости.

В последнее время в Венгрии широко читается Иштван Эркенй, и его черный юмор (повесть «Выставка роз»), и его «рассказы-минутки».

Я всегда с недоверием относился к миниатюрам: мне кажется, что читателю требуется время, чтобы войти в стиль, в событие и в мысль автора, миниатюра же искусственно это время усекает, требуя от нас, чтобы мы воспринимали ее приблизительно так же, как воспринимаем рассказчика анекдотов.

Эркенй, однако, не оставляет у меня этого ощущения, особенно в такой иронической вещице, как «Автографы одного венгерского писателя», где на двух страничках отражен жизненный и творческий путь писателя имьярек.

Во всяком случае, Эркенй для меня — это интересный и, я бы сказал, очень поучительный писатель.

НАДО подходить к заключению своих «Заметок», и вот мне хочется сказать, что советский читатель ничуть не обманется, постаравшись более систематически и вдумчиво знакомиться с венгерской литературой — как классической, так и современной. В той же мере, как с литературой французской, английской, немецкой, к которому он привык издавна. Нет, не обманется!